

Император Лунсинь, поглаживая теплый чайный кубок в руках, был вынужден в некотором замешательстве поставить его на стол. Не зная, как продолжить беседу, он перевел взгляд на Ци Юя.

Лунсинь не был знаком с Ци Юем, но, прислушавшись к шепоту евнуха, пояснившего, что перед ним второй сын канцлера, с улыбкой похвалил:

— У тебя стать самого канцлера Ци. Похоже, в будущем найдется кому унаследовать его пост.

Ци Юй почтительно ответил:

— Ваше Величество слишком милостивы. Мои познания и в одну десятитысячную не сравнятся с отцовскими, не смею и помышлять о такой должности. Я лишь немного упражняюсь в поэзии, а истинный уровень станет ясен лишь на государственных экзаменах.

В ответе Ци Юя невозможно было найти изъяна: он и себя принизил, дабы не выказать алчности, и напомнил, что государственные должности — это не семейная вотчина клана Ци, а вопрос соблюдения правил экзаменации.

Лунсинь, по-видимому, остался доволен ответом. Его глаза сощурились в улыбке, и невозможно было понять, искренне ли он доволен:

— Не стоит так принижать себя, я возлагаю на тебя большие надежды.

Затем Лунсинь ловко сменил тему и, повернувшись к Се Чжаньи, произнес:

— Кстати говоря, твоя матушка тоже была знатоком поэзии, настоящей талантливой женщиной. В былые годы я больше всего любил любоваться с ней цветами и слагать стихи в галерее.

Когда Ци Юй только прибыл во дворец и осваивался, он видел ту самую галерею, о которой говорил император. Под навесом росли нежные цветы, а на небольшой каменной площадке были установлены качели. Рядом с ними стоял круглый стол с каменными табуретами. Сейчас, вспоминая это, Ци Юй понял: должно быть, когда наложница Юнь качалась на качелях, Лунсинь сидел рядом и наблюдал за ней.

Император постарел и многое из прошлого помнил смутно, но стоило зайти речи о наложнице Юнь, как в его памяти всплывали мельчайшие детали. Любовь была настоящей, но и жестокость его — тоже.

Лунсинь продолжал вести светскую беседу с Се Чжаньи, то и дело намеренно или случайно упоминая, как сильно он любил наложницу Юнь в те годы. Казалось, он хотел внушить Се Чжаньи: я так сильно любил твою мать, но она пала жертвой козней, и у меня не было иного выбора, кроме как наказать ее, вот и случилась трагедия. Парой слов он полностью снимал с себя всякую ответственность.

Однако Се Чжаньи на эту уловку не поддался. Он снова и снова прерывал императора дежурными фразами: «Отец, примите мои соболезнования», «Отец, берегите здоровье, не стоит так печалиться». Он упорно отказывался играть роль сына, который, как того хотел Лунсинь, бросится в объятия отца в порыве трогательных чувств.

Лунсинь перестал напрашиваться на любезности, и в его улыбке промелькнуло недовольство:

— Ладно, мне пора заниматься государственными делами. Если тебе чего-то не хватает, говори прямо, я прикажу все устроить.

— Слушаюсь, благодарю Вас, отец.

Император поднялся, чтобы уйти, и Ци Юй склонился в поклоне. Перед самым выходом Лунсинь окинул его тяжелым взглядом. У Ци Юя внутри все похолодело, но император лишь бросил:

— Не провожайте.

Се Чжаньи, разумеется, заметил этот ледяной взгляд. Его лицо помрачнело, а ненависть к императору достигла небывалого пика. Он мог временно закрыть глаза на смерть матери, мог стерпеть годы забвения, но он не мог смириться с тем, что Лунсинь вздумал причинить вред Ци Юю.

Се Чжаньи опустил глаза, скрывая смертоносное намерение, и ровным голосом произнес:

— Сын провожает Вас, отец.

Ци Юй молча смотрел вслед удаляющемуся императору, чувствуя озноб. Он нахмурился, думая про себя: если бы не нехватка сил, он бы с радостью выхватил меч и полоснул по этому лицемерному лицу, чтобы посмотреть, сможет ли тот и дальше чередовать скорбь с отеческой любовью.

Как только император ушел, Умин убрал чайный сервиз, но не успел донести его до выхода, как услышал холодный приказ Се Чжаньи:

— Разбей всё и выбрось.

Умин не проронил ни слова, лишь молча вышел, чтобы выполнить приказ.

Когда в покоях не осталось посторонних, Се Чжаньи стремительно подошел к Ци Юю, обнял его со спины, положил подбородок ему на плечо и, склонив голову, прошептал:

— Я так хотел поболтать с братом Ци, а теперь и настроения нет.

— Почему же нет? — Ци Юй едва сдержал улыбку, похлопал Се Чжаньи по рукам, чтобы тот

отпустил его, а затем достал из принесенной сумки несколько книг.

Се Чжаньи уставился на них, и его улыбка едва не дрогнула:

— Что это?

— Очевидно, книги, — Ци Юй положил книги, украденные из кабинета Ци Иня, на стол. — Я не требую, чтобы ты читал по главе в день, но раз в пять дней я буду устраивать проверку для закрепления материала.

Изящные черты лица Се Чжаньи потускнели, он уныло пробормотал:

— А я-то думал, брат Ци принес мне подарок, а оказалось — задал сложную задачу.

— Что, не хочешь читать? — Ци Юй искоса взглянул на него, и угроза в его голосе была более чем понятна.

— Хочу, хочу! — Се Чжаньи льстиво улыбнулся, прислонился к Ци Юю, втайне вдыхая его аромат, и спросил: — А если я чего-то не пойму, можно мне просить совета у брата Ци?

— Разумеется, — Ци Юй кивнул с видом человека, который давным-давно выучил эти книги наизусть.

Се Чжаньи тихо рассмеялся и начал хитрить:

— Тогда я уже с первой главы ничего не понимаю. Брат Ци, расскажи мне все с самого начала.

— ...

— Ай!

Ци Юй впервые применил к Се Чжаньи физическую силу — щелкнул его по белоснежному лбу, за что получил обиженный и недовольный взгляд. Ци Юй беспомощно вздохнул: лицо Се Чжаньи было слишком обманчивым — глаза затуманились влагой, нос слегка покраснел, тонкие губы обиженно выпятились. Кто не знал, решил бы, что его смертельно обидели, и сердце невольно сжималось от жалости.

Ци Юй уступил. Он начал методично постукивать указательным пальцем по краю стола и неторопливо произнес:

— Раз я буду тебе объяснять, условия изменятся. Вместо проверки раз в пять дней, будем заниматься каждый день.

— Хорошо! — Се Чжаньи только того и ждал, чтобы проводить с Ци Юем каждый день, для него это было лучшим из возможных условий.

Ци Юй фыркнул, но по его виду было ясно, что он потекает капризам парня. Он насмешливо посмотрел на радостную физиономию Се Чжаньи и потрепал его по темным волосам:

— Перестань улыбаться.

— Оу, — Се Чжаньи поджал губы и тихо добавил: — Будет так, как скажет брат Ци.

В сердце Ци Юя зародилось тепло. Он невольно подумал: почему такому милому Се Чжаньи уготована столь трагическая судьба? Только ради того, чтобы в начале истории создать образ «красивого, сильного, но несчастного» персонажа?

«Вероятно, это нужно для того, чтобы проложить путь для его будущей хитрости и амбиций. Иначе как заставить человека, чья жизнь всегда текла гладко, противостоять главному герою, движимому кровной местью?» — Система ответила спокойно: «Думаю, тот, кто создал этот мир, тоже любил Се Чжаньи. Он хотел, чтобы тот был достойным соперником главному герою, а не занимал слабую позицию. Если бы он был слаб, его положение зависело бы только от любви главного героя. Когда тебя любят, у тебя есть голос, а когда разлюбят — ты просто выброшенная игрушка».

«Се Чжаньи прошел через испытания глубокого дворца, чтобы в конце пути не бояться никого и ничего. Только он, вероятно, не ожидал, что его короткая фраза о перенесенных мучениях станет пророческой еще до начала основных событий».

Слова Системы заставили Ци Юя надолго замолчать, после чего он лишь тихо отозвался: «М-м».

Холода в тот день наступили не просто так: на следующий день снова пошел снег, покрыв землю толстым слоем поверх недавно растаявшего. К полудню снег едва перестал идти. Ци Юй сидел у порога, глядя вдаль. Белая пелена на черепице и солнечный свет на стенах — казалось бы, естественная красота, но на душе было пусто.

Снег принес с собой лютые холода, которые не отступали до самого Нового года. Вся резиденция канцлера вновь засуетилась: развешивали фонари, на окнах клеили красную бумагу, а в маленькой сливовой роще во дворе срезали несколько веток для украшения ваз.

Ци Юньцзюэ в последнее время стал свободнее: он больше не пропадал в ведомстве перед дворцом, и его часто можно было встретить в кабинете. Ци Юй забрал вазу у служанки, срезавшей ветки, и сказал ей:

— Отнеси ту, другую, в мою комнату, а эту я отнесу сам.

— Второй молодой господин, это предназначалось для кабинета старшего господина.

— Да, я знаю, — Ци Юй кивнул, показывая, чтобы она не беспокоилась.

Он подошел к кабинету Ци Юньцзюэ и постучал. Раздался холодный голос брата:

— Войди.

Ци Юй толкнул дверь и увидел брата, склонившегося над стопками документов. Увидев его, Ци Юньцзюэ приподнял брови, и раздражение на его лице сменилось мягкостью:

— Ци Юй? Почему ты принес цветы?

Ци Юй нашел место для вазы и ответил:

— Я видел, что ты несколько дней не выходишь из кабинета, решил заглянуть. Что-то случилось?

— Ничего особенного, просто дела, — негромко ответил Ци Юньцзюэ. — Отчеты о проделанной работе, счета, переводы людей под моим началом — все это нужно привести в порядок и отправить в Чжундуфу.

Ци Юй кивнул и сел в стороне, стараясь не мешать. Ци Юньцзюэ, не церемонясь, сказал, берясь за кисть:

— Раз уж пришел, помоги растереть тушь.

Ци Юй молча встал и принялся за работу, медленно вращая брусок туши.

Ци Инь, вернувшись из дворца, по обыкновению заглянул к старшему сыну и увидел, как младший помогает брату растирать тушь. В суровых глазах Ци Иня промелькнула улыбка. Старый управляющий, следовавший за ним, тихо усмехнулся:

— Господин канцлер, теперь можно быть спокойным, оба ваших сына — настоящие драконы среди людей.

Ци Инь молча опустил глаза, не ответив. Этим утром сын главного евнуха при дворце передал ему весточку. Этот парень был немым, но слышал отлично, и Ци Инь внедрил его во дворец много лет назад. Главный евнух всегда считал его глухонемым, а из-за его расторопности держал при себе. Евнух и не подозревал, сколько проблем его «удобный» слуга доставил Лунсиню.

В записке говорилось, что прошлой ночью император в беседе с евнухом упомянул канцлера Ци и, судя по всему, был недоволен вторым сыном. Послание было кратким. Но Ци Инь, сопоставив это с донесениями, понял, что произошло.

Немой ночью подавал чай и слышал, как Лунсинь сказал:

— Один его сын владеет мечом, другой — пером, они даже лучше, чем мои собственные дети.

Главный евнух, горько усмехнувшись, поставил метелку в сторону и подал императору чай, мягко утешая:

— Дети Вашего Величества еще не достигли того возраста, чтобы проявить себя, не стоит так тревожиться.

Лунсинь, полуприкрыв глаза, смахнул крышкой чайники и неожиданно спросил:

— В каком возрасте я пожаловал Ци Юньцзюэ звание военачальника Чжаодэ?

— В пятнадцать лет, Ваше Величество.

— Какое совпадение, — в голосе Лунсиня послышалась усмешка, густой голос звучал расчетливо: — Я должен совершить доброе дело и сделать младшего сына канцлера таким же способным, как старший.

...

Ци Инь, заложив руки за спину, покинул двор Ци Юньцзюэ. Он шел не спеша, старый управляющий следовал за ним по пятам. Оба молчали.

Во дворе Ци Иня тоже росли сливы. Когда они цвели, аромат наполнял все вокруг. Ци Инь смотрел куда-то вдаль, словно вспоминая что-то, и в его голосе прозвучала ностальгия:

— Ци Юй в детстве очень любил сливовые цветы. Другие цветы он быстро выбрасывал, но сливу держал в своей маленькой ручке, пристально разглядывая ее своими черными, как виноград, глазами.

— И правда, маленький господин всегда сиял, когда видел красную сливу, такой милый был.

— Да, тот сорванец любил необычные цветы, — Ци Инь улыбнулся, но тут же лицо его помрачнело: — Он любит сливы, поэтому я засадил ими всю резиденцию. Я позволяю ему заниматься тем, что он хочет. Но... почему-то находятся те, кто мешает моему сыну. Как думаешь, я могу остаться в стороне?

Старый управляющий с улыбкой отступил на шаг, почтительно поклонился и твердо ответил:

— Ваши мысли глубоки, господин, мы сделаем все возможное, чтобы исполнить Вашу волю.

— Хорошо. Чэнь Чжун, ты потрудишься на славу, — Ци Инь похлопал управляющего по плечу.

Ци Юньцзюэ приводил документы в порядок еще два дня, прежде чем сдать их в военное ведомство. Он отправился туда верхом и по пути встретил Чжоу Линя, выезжавшего из дворца. Чжоу Линь, сидя в карете, приподнял занавеску двумя пальцами и, глядя на Ци Юньцзюэ с отстраненным видом, кивнул:

— В военное ведомство?

Ци Юньцзюэ кивнул:

— Да. Нужно кое-что передать.

— Ци Юй дома?

Услышав вопрос о младшем брате, Ци Юньцзюэ нахмурился, а затем ответил:

— Нет, сегодня с утра он ушел в Императорскую академию.

Чжоу Линь глухо отозвался:

— Зайду в резиденцию позже. — Не дожидаясь ответа, он опустил занавеску: — Поехали.

Карета проехала мимо. Ци Юньцзюэ, сидя на высоком коне, прищурился, не понимая, что у того на уме. Он натянул поводья и, сжав губы, направился к ведомству.

А Ци Юй на обратном пути из академии встретил знакомого человека. Его лицо было бледным, а спина, обычно сгорбленная, теперь была прямой, и шагал он очень быстро. Это был Умин.

Почему он так спешит?

Ци Юй прищурился, не решаясь следовать за ним, и, свернув, направился к дворцу Уци. Се Чжаньи впервые не стал удерживать его после занятий, а теперь еще и Умин... Ци Юй не мог не заподозрить, что с Се Чжаньи стряслась беда.

Добравшись до дворца Уци, он обнаружил, что, кроме слуг, никого нет. Ци Юй перевернул все вверх дном, но Се Чжаньи нигде не было.

Где же он?

Лицо Ци Юя помрачнело. Служанка, хотевшая подать чай, задрожала при виде его выражения лица. Ци Юй, заметив ее страх, взял себя в руки и сухо спросил:

— Где Пятый принц?

— Рабыня не знает, после того как Пятый принц ушел в академию, он не возвращался.

— Не возвращался? — Сердце Ци Юя ушло в пятки. Что значит не возвращался? Он же видел, как Се Чжаньи попрощался с ним и направился в сторону дворца Уци!

Почувствовав, как уровень тревоги Ци Юя зашкаливает, Система подала голос: «Не нервничай так, если бы с ним что-то случилось, я бы предупредила».

«Тогда где он? Точно нет опасности? Я столько сил потратил, чтобы дойти до этого момента, он не может пострадать!»

«Успокойся, — отозвалась Система. — Даже если есть опасность, максимум — небольшая царапина. Если жизнь будет под угрозой, я сообщу».

«Каким образом?»

Система ответила с невозмутимостью: «Уведомлением о провале задания».

Ци Юй: «...»

Ци Юй глубоко вздохнул, стараясь подавить гнев, и, не говоря ни слова, направился к выходу. Он метался по дворцу, как муха без головы, заглянул даже в Восточный дворец, но и там не нашел Се Чжаньи.

Се Чэнфэн, напротив, был очень рад его приходу. Он приказал подать чай и сладости, сел в кресло, подперев голову рукой, и с улыбкой спросил:

— Брат Ци, как ты нашел время заглянуть ко мне?

Ци Юй, даже не притронувшись к чаю, прямо спросил:

— Пятый принц пропал. Я пришел узнать, не видел ли его Его Высочество наследный принц.

Улыбка Се Чэнфэна померкла, сменившись недовольством:

— Пятый брат? Нет, не видел. Разве он не вернулся давно?

— Да, я тоже помню, что он ушел, — Ци Юй закусил губу, перебирая пальцами, и в его глазах читалась тревога. — Я...

Он хотел попросить Се Чэнфэна помочь с поисками — ведь у наследного принца куда больше людей, знающих дворец. Но, вспомнив, как Се Чэнфэн и Се Чжаньи постоянно грызутся, Ци

Юй понял, что совершает ошибку. С чего бы Се Чэнфэну помогать ему?

Просьба застряла в горле, и Ци Юй сказал:

— Прошу прощения за беспокойство, я пойду.

Се Чэнфэн с мрачным лицом спросил:

— Брат Ци впервые пришел ко мне только ради того, чтобы спросить, где Пятый брат?

— Да, — ответив человеку, не являющемуся целью задания, Ци Юй даже не пытался лгать.

— Брат Ци, порой ты умеешь злить людей, — Се Чэнфэн встал, преграждая ему путь, и холодно произнес: — Чем я хуже Пятого брата? Ты хоть раз задумывался о том, что он скрывает от тебя свои дела, не доверяет тебе? Ты отдаешь ему всю душу, а как он относится к тебе? Разве ты еще не натерпелся от наказаний учителя Вэя? В чем я уступаю ему? По крайней мере, я искренен с тобой!

— Правда? — Взгляд Ци Юя внезапно стал ледяным. — Ваше Высочество действительно искренни со мной?

— Конечно!

Ци Юй сжал челюсти:

— В день банкета по случаю дня рождения императора Ваше Высочество не должны были отправлять то письмо.

Се Чэнфэн сжал кулаки, его лицо исказилось от удивления, а в глазах промелькнул испуг:

— ...Что?

— Мой брат отправился на границу не только из-за воли императора, в этом есть и ваша заслуга, — Ци Юй смотрел сверху вниз на Се Чэнфэна. — Сын клана Вэй.

Се Чэнфэн задохнулся, его зрачки сузились. Он не мог понять, как Ци Юй узнал об этих хитросплетениях, как узнал, что имя сына клана Вэй в списке, поданном императору, вписал он сам. Ци Юй никогда не уличал его, никогда не пытался шантажировать, поэтому до сегодняшнего дня он считал, что все сделал безупречно.

Все знали, что канцлер Ци в молодости женился на красавице, которую называли госпожой Ци, но мало кто знал, что она была дочерью главы клана Вэй из Фэнду.

— Ваше Высочество думает, что тем письмом с извинениями можно оправдать все содеянное?
— Уголки губ Ци Юя изогнулись в холодной усмешке. Он шаг за шагом приближался к отступающему Се Чэнфэну, прижав его к креслу.

Се Чэнфэн, не имея пути к отступлению, рухнул в кресло. Он поднял взгляд на Ци Юя, его глаза покраснели от ярости, а в черных зрачках смешались самые сложные чувства.

<http://bllate.org/book/21529/2211188>